

С. И. Сивцева, В. С. Акимова, Т. Т. Курчатова

Принудительная ссылка на край земли: спецпоселенцы в Якутии в 1940-е годы

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье на основе преимущественно архивных документов рассматриваются численность, состав принудительно высланных на поселение в Якутию людей с западных территорий СССР в годы Второй мировой войны. Представлены данные о тяжелых условиях жизни и быта, труда спецпоселенцев – литовцев, поляков, немцев – и их адаптации к суровым природно-климатическим условиям Крайнего Севера, о высокой смертности среди них. Новизна видится в том, что в исследовательский оборот включены архивные документы, оказывающие влияние не только на формирование исторического представления об определенном этапе истории российского общества, но и на реконструкцию картины исторической памяти. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние десятилетия большой интерес представляют вопросы функционирования тоталитарной системы в СССР, принудительной миграции, памяти о депортациях, как научный дискурс. Делается вывод, что открытие материалов государственных архивов позволяет получить широкий доступ к малоизученным аспектам насильственной политики, показать статичность системы и социальные последствия депортаций.

Ключевые слова: Депортация; спецпоселенцы; категории спецпоселенцев; Вторая мировая война; Якутия; Север; экстремальные условия жизни и труда; голод; смертность.

СИВЦЕВА Саассылана Иннокентьевна – д. и. н., профессор кафедры преподавания истории, обществознания, политологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: sivilana@list.ru

orcid.org/0000-0003-4044-0580

SIVTSEVA Saassylana Innokentievna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Teaching History, Social Studies, Political Science, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

АКИМОВА Валентина Семеновна – к. и. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: valentina006@mail.ru

AKIMOVA Valentina Semenovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

КУРЧАТОВА Тамара Тимофеевна – к. и. н., доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия.

E-mail: kurchatova@yandex.ru

orcid.org/0000-0001-9387-7124

KURCHATOVA Tamara Timofeevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World, National History, Ethnology, Archeology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.

S. I. Sivtseva, V. S. Akimova, T. T. Kurchatova

Forced exile to the edge of the earth: special settlers in Yakutia in the 1940

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Based on mainly archival documents, the article examines the number and composition of people forcibly deported to a settlement in Yakutia from the western territories of the USSR during the Second World War. Data are presented on the difficult living conditions and work of special settlers – Lithuanians, Poles, Germans – and their adaptation to the harsh natural and climatic conditions of the Far North, on high mortality among them. The novelty is seen in the fact that the research turnover includes archival documents that influence not only the formation of a historical understanding of a certain stage in the history of Russian society, but also the reconstruction of the picture of historical memory. The relevance of the study is due to the fact that in recent decades, the issues of the functioning of the totalitarian system in the USSR, forced migration, and the memory of deportations as a scientific discourse have been of great interest. It is concluded that the opening of materials from state archives makes it possible to gain wide access to little-studied aspects of violent politics, to show the static nature of the system and the social consequences of deportations.

Keywords: Deportation; special settlers; categories of special settlers; The Second World War; Yakutia; North; extreme living and working conditions; hunger; mortality.

1. Введение

XX век в российской истории был отмечен принудительными депортациями людей и целых народов. В Якутию были высланы разные категории так называемых спецпоселенцев: «бывшие кулаки» (раскулаченные крестьяне, высылаемые вследствие проводимой коллективизации; с начала 1930-х гг.); поляки – «беженцы» (в 1940 г.; жители, бежавшие из оккупированной гитлеровцами Польши); народы Прибалтики, финны, немцы (в годы Второй мировой войны; подробнее см. далее); «власовцы» (участники антисоветских воинских формирований, действовавших на стороне фашистской Германии); «оуновцы» (участники ОУН – организации украинских националистов); «указники» (выселенные по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» от 1 июня 1948 г.), интернированные с территории Польши, а также из Крыма, Северного Кавказа, Грузии, Калмыкии, Молдавии (1946-1959 гг.) [Бугай, 1995, с. 12-13, 191-192; Сивцева, 2000, с. 45, 51, 55-56].

Необходимо отметить, что на территориях, определяемых для спецпоселений, принудительно высылаемые расселялись с учетом «опасности каждой группы». Поэтому в отдаленные районы Восточной Сибири и в Якутию высылались, как правило, спецпоселенцы, подпадавшие под наиболее «тяжелые» и «опасные группы» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 527, л. 3].

До войны причинами выселения людей в Якутию были, главным образом, превентивные меры, направленные против высланных из пограничных областей Украины и Белоруссии – «социально-опасных элементов» или СОЭ [Чернолуцкая, 2011, с. 71], а также по отношению к полякам (1940 г.) и к литовцам, финнам, немцам (с мест первой высылки они были отправлены в Якутию в 1942 г.). После войны причины ссылки людей уже были другими – карательными для немцев, «власовцев» и «оуновцев». К тому же, экономический фактор – возможность использовать «дармовую рабочую силу», – сыграл здесь далеко не последнюю роль. Это подтверждается структурой отчетов (ежемесячных, квартальных, полугодовых, годовых) надзорных органов НКВД (Народного комитета внутренних дел),

где главными критериями были трудовое использование, трудоспособность, физическая пригодность, а затем уже – условия жизни и быта, настроения принудительно высланных. Кстати, последние (настроения) собирались осведомителями, внедренными в среду спецпоселенцев или таковых вербовали из среды самих переселенцев.

Наряду с вышеуказанными причинами, вероятно, существовали и другие. В частности, В.Н. Земсков пишет о политике ускорения ассимиляционных процессов в стране с целью борьбы с «национальной пестротой» государства, и в данной связи выселение с исторической Родины малых народов должно было ускорить этот процесс [Земсков, 2005, с. 107].

Тема изучения условий жизни, быта и труда спецпереселенцев 1940-х гг. в Якутии до недавнего времени не являлась предметом специальных исследований в отечественной историографии. Некоторые аспекты данной темы затрагивались исследователями в связи с рассмотрением вопросов организации трудовых лагерей, спецпоселений, ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны и т.д. [Земсков, 1990; Бердинских, 2005; Бугай, 1995; Горохов, 1998; Сивцева, 2000, Чернолуцкая, 2011 и др.]. Многие события тех времен по-прежнему интересны и открываются вновь для исследователя, вызывая научный дискурс. Особенно сейчас, в условиях современной российской действительности, когда открыт доступ к архивным материалам. Современная историография вопроса представлена работами, посвященными, главным образом, региональной тематике [Башкуев, 2009; Лобченко, 2006; Хамфри, 2019; Щеглова, 2021].

Необходимо отметить, что в документальных источниках с 1949 г. термин «спецпереселенцы» выходит из употребления, постепенно замещаясь словом «спецпоселенцы» [Земсков, 2005, с. 161]. Соглашаясь с позицией В.Н. Земскова, все категории принудительно высылаемых нами объединяются под термином «спецпоселенцы».

Приоритетными методами изучения выбранной темы явились принципы комплексного подхода к изучаемой проблеме как важнейшего условия поиска исторической истины, рассмотрения явлений и процессов в тесной связи с конкретно-исторической обстановкой, а также общими приемами исторического анализа, обусловленными особенностями истории как науки. Были использованы методы сравнительно-исторический, историко-типологический, проблемно-хронологический, историко-географический, индукции, дедукции, синтеза и анализа и др.

2. Условия депортации народов в Якутию

Еще в 1930-е годы Южная Якутия (Алдан) приняла на спецпоселение принудительно высылаемых так называемой категории трудпоселенцев, «бывших кулаков». Численность их составила в 1931-1933 гг. 5,6 тыс. человек [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 298, л. 166]. Однако, по сути, это были «неблагонадежные», высланные из пограничных районов (22-километровой зоны) Украины и Белоруссии, их еще называли «социально-опасные элементы» (СОЭ) [Чернолуцкая, 2011, с. 71]. Трудились переселенцы на золотодобыче, развивали сельскохозяйственное производство. К январю 1941 г. численность «бывших кулаков» (СОЭ) определялась в 3,8 тыс. человек [Сивцева, 2000, с. 63].

В годы Великой Отечественной войны спецпоселенцы – «бывшие кулаки» призывались на фронт. Известно о 404 чел. мобилизованных из Якутии на боевой фронт. Как правило, семьи мобилизованных имели право на досрочное освобождение, восстановление в правах. Так, по приказу НКВД СССР № 002303 от 22.10.1942 г. было освобождено 600 женщин и детей спецпоселенцев, находящихся на службе в армии [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 298, л. 166].

Накануне Великой Отечественной войны, в 1940 году, также на юг Якутии, на золотодобычу и лесозаготовку, было выслано более 4 тысяч поляков (см. далее).

Начавшаяся Великая Отечественная война вызвала принятие ряда жестких решений, в том числе по проблеме продовольственного обеспечения фронтовиков. 6 января 1942 г.

по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» планировалось перевести 41 тыс. спецпоселенцев (вместе с членами семей 120 тыс.) в районы низовьев рек Обь, Лена, Енисей, Яна, Индигирка, Колыма и северной части оз. Байкал. Однако короткий навигационный период, невозможность мобилизации крупнотоннажных судов для перевозки такого количества людей не позволили полностью воплотить план в жизнь, число переселяемых было сокращено. Интересно, что планировавшие масштабную операцию по переброске людей на рыбодобычу были осведомлены, что людей придется оставлять буквально на произвол судьбы – в документах констатируется, что когда они окажутся на местах, осенью, – это будет «конец навигации и лова» (а значит, люди окажутся без заработка и средств к существованию), и без крыши над головой, так как для них не предусмотрена хоть какая-то организация расселения. Констатировалось, что для всех переселенных потребуется 15 тыс. домов из расчета по две семьи на один дом, что заведомо было невыполнимо – «такое количество домов построить в течении одного сезона при отсутствии на местах какой-либо строительной организации, а также строительного леса невозможно» [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 73, л. 69-72].

Тем не менее, людской поток в республику по реализации данного постановления оказался значительным. На Крайний север Якутии были депортированы более 9 тысяч литовцев, финнов, немцев и др. Перед ними ставилась задача освоения рыбных промыслов и добычи рыбы на Крайнем Севере Якутии, у Ледовитого океана.

В число высылаемых по этому постановлению попали выселенные из Литвы члены семей бывших активных участников националистических, контрреволюционных организаций, приговоренных к высшей мере наказания, бывших офицеров, охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков, крупных помещиков, фабрикантов, чиновников, члены семей беженцев из Польши, отказавшиеся принять советское гражданство, а также члены семей лиц, репатриированных из Германии и немцев, записавшихся на репатриацию [Бугай, 1995, с. 187-188]. Они были высланы из Литвы 14 июня 1941 г. Многие из них осенью 1942 г. проживали в Алтайском крае (они успели посадить и вырастить картофель, немного обжиться на новом месте), а в 1942 г. были подвергнуты вторичной депортации в Якутию [ГА РФ, ф. 9479, оп. 1, д. 155, л. 9]. В начале 1943 г. число высланных в Якутию литовцев составило 3,9 тысячи [Сивцева, 2000, с. 63].

Прибалтийский историк Х. Лиги пришел к заключению, что общее количество людей, подвергшихся высылке из Прибалтийских республик к 1949 г. могло составить 20702 человека [Лиги Х., 1989]. Местное население отчаянно сопротивлялось высылке, на местах отмечались случаи убийства. Некоторые убегали, пропадали без вести. По подсчетам С. Сандлер с середины июня 1940 г. по август 1941 г. по Литве и Латвии было убито 1850 человека, арестовано 7043, мобилизовано в трудовые лагеря 38303 человек [Сандлер С., 1990]. Исследователь В.Н. Земсков пишет о депортации с территорий Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины с момента включения их в состав СССР и до начала Великой Отечественной войны 380-385 тыс. человек [Земсков, 2005, с. 91]. О более 300 тысячах пишет и В.А. Бердинский [Бердинский, 2005, с. 62].

По указу Президиума Верховного Совета от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и постановлению Военного Совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. об эвакуации финского населения из Ленинградской области (г. Ленинграда и Ораниенбаумского, Парголовского, Всеволожского, Токсовского районов) были высланы финны, немцы, русские и др. По данному указу финны были эвакуированы только частично [ГА РФ, ф. 9479, д. 108, л. 18; д. 118, л. 143]. В отношении же всех финнов, проживавших в Ленинграде

и области, затем было повторно принято решение Военного совета Ленинградского фронта от 9 марта 1942 г. [Бугай, 1995, с. 191], их высылка в Якутию была осуществлена 9 и 20 марта 1942 г. [Архив МВД РС (Я). Картотека спецпереселенцев]. Финн Тойко Флинк в статье «Мы еще живы» писал о высылке 25 тысяч ингерманландских финнов, которые оказались в Ленинградской блокаде в качестве спецпереселенцев, которых в течение суток вывезли по «дороге жизни» в Сибирь [Флинк Т., 1990, с. 129]. Другой исследователь Эйко Карху свидетельствовал, что в глубинные области страны из Ленинградского кольца были эвакуированы 10 тыс. ингерманландцев [Карху Э., 1990, с. 55]. Все выселенные в 1942 г. из Ленинграда и его окрестностей в порядке принудительной эвакуации, ингерманландцы – финны, попадали под категорию административно высланных, без права возвращения на свою историческую родину. В марте 1946 г. число репатриированных ингерманландцев (с семьями) из Финляндии составило 55 942 [Земсков, 2005, с. 96]. В Якутии их число к началу 1943 г. составило 3,7 тысячи.

Среди людей, попавших в список спецпоселенцев в Якутию на рыбодобычу, были и 617 человек немецкой национальности (основная их часть прибыла уже после реализации постановления «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» 1942 г.) [Сивцева, с. 56]. Немцы обвинялись в том, что среди них «имеются» десятки тысяч шпионов, которые по сигналу из Германии должны были проводить диверсионные работы в различных регионах страны. Определяющим признаком была национальность, и даже герои гражданской войны, и старые члены партии, но немцы – отправлялись в ссылку [Солженицын А., 1989, с. 86]. Спецпоселенцы немецкой национальности были депортированы на основании постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 августа 1941 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., Приказа НКВД от 30 августа 1941 г. – из Ленинградской области, из республики Немцев Поволжья, Сталинградской и Саратовской областей и т.д. В 1942 г. в Якутию немцы прибыли из Ленинградской области (вместе с финнами) и из республики Немцев Поволжья (вместе с литовцами из Алтайского края), в 1943 – 1945 гг. из мест первоначального поселения: Алтайского края, Кемеровской области и др. [ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 141, л. 45, 52, 75, 226; д. 187. л. 5]. К январю 1946 г. в Якутии было зарегистрировано 5,3 тыс. высланных немцев [Сивцева, 2000, с. 63]. Известно, что за все время войны по стране было насильственно перемещено 949 829 немцев [Земсков, 2005, с. 94].

Судьба высланных на рыбодобычу людей оказалась трагичной, особенно потому, что среди них было значительное число ни в чем неповинных малолетних детей.

Ввиду того, что спецпоселенцы в основном состояли из нетрудоспособных людей для работы в рыбной промышленности в условиях севера, сложившаяся ситуация вызывала беспокойство республиканских властей. Так, в телеграмме от 12 июня 1942 г., адресованной в Осетрово Кравцову, Нарком внутренних дел ЯАССР Савинов пишет: «Сообщите откуда едут спецпереселенцы. Через них выясните не было ли в пути следования частичной выгрузки людей этих эшелонов. Наличие большого количества детей, женщин вызывает сомнение не остались ли по пути мужчины где, в какой области» [Архив УФСБ РФ по РС (Я)), ф.2, оп.1, д.5, л.68]. Секретарь Якутского Обкома ВКП(б) Степаненко сообщил в ЦК ВКП(б) Андрееву о том, что УНКВД по Иркутской области направляет на рыбные промыслы в Якутию большей частью иждивенцев: в первой партии, состоящей из 1173 чел., мужчин было 44, стариков старше 55 лет – 76, женщин – 586, детей – 467, а во второй партии (296 чел.) мужчин и стариков насчитывалось 39, женщин – 129, детей – 128. Исходя из состава прибывающих констатировалось следующее: «...Рыбтрест получает не работников рыбозаводов, а нетрудоспособных людей...» [Сивцева, 2000, с. 96]. Предполагалось, что трудоспособных отбирали в Иркутске. Поэтому телеграмма из г. Якутска заканчива-

лась так: «...Просим категорически запретить отбор иркутскими организациями трудоспособных переселенцев. В противном случае само переселение теряет смысл...». На сообщение была наложена резолюция Берия: «...Доложите почему так происходит. 20.06.1942 г.» [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.109, л.140] (это выглядит явной отпиской!).

В целом, органы НКВД и лица, непосредственно занятые в процессе переселения людей, подошли к данной проблеме как к заданию военного времени, жестко и непримиримо. Факты большой смертности в пути детей, людей преклонного возраста и женщин завуалированы в следующей переписке (в телеграммах):

«5 июля последней партией должны были поступить в п. Осетрово 900 человек – перевезено 813. Это всё?» (17 августа 1942 г. НКВД ЯАССР, Савинов).

«...Больше в пути нет. 813 человек – последние» (Иркутск. УНКВД, Дешковец) [Архив УФСБ РФ по РС (Я), ф.2, оп.1, д.5. л.9].

Таким образом, по пути из г. Иркутска до п. Осетрово (по р. Ангаре и небольшому участку суши) из эшелона в 900 человек, вероятно, погибло (или бежало) 87 человек. Люди, пережившие зиму в изгнании, могли умереть вследствие физического и морального истощения.

О продовольственном снабжении по пути следования высылаемых людей свидетельствуют следующие документы и факты. 19 мая 1942 г. на совещании при Народном Комиссариате торговли Якутской АССР было принято решение об обеспечении горячим питанием, а также сухими пайками в пути следования спецпоселенцев в соответствии с телеграммой Союзнаркомторга № 10-851, по следующим нормам питания (исходя из суточного рациона на одного человека, гр.): хлеба – 500, крупы – 80, жиров – 10, сахара и кондитерских изделий – 10, рыбы, мяса – 100. В случае отсутствия отдельных продуктов (крупы, мяса, рыбы, овощей) они должны были заменяться продуктами в соответствующих количествах (макаронами, вермишелью, лапшой, мясными, рыбными консервами, сушеными овощами). Работающим во время пути планировали выдачу дополнительно в день 300 гр. хлеба. Стоимость дневного рациона устанавливалась в 5 руб. [Там же]. Совещанием были определены три организации, отвечающие за снабжение спецпоселенцев на местах: Полярторг, Холбос, Рыболовсекция.

Что же было на баржах и пароходах, перевозящих людей? Об этом красноречиво свидетельствует выдержка из акта от 26 июня 1942 г., составленная государственным инспектором Народного Комиссариата здравоохранения ЯАССР Андреевым: «...Верхняя палуба баржи, трюм, где находятся пассажиры, содержатся грязно. Везде много пыли, сору, отбросов. Верхняя палуба и пол в трюме не моется... В момент обследования кипяченной воды для пассажиров не было и последние пьют сырую воду... На барже обнаружено трое больных детей и одна взрослая женщина с подозрением на паратиф, которая не госпитализируется ввиду того, что таковых не высаживают с баржи вместе с семьями. Имеются больные дети с кожными заболеваниями и летними поносами...» [Там же, л.100]. За вышеизложенным свидетельством скрываются боль утрат, страдания, муки обездоленных и обессиленных, отчаявшихся и больных людей.

Таким образом, с июня по сентябрь 1942 г. в Якутию всего прибыло 9080 чел., из них литовцев и евреев из Литвы – 3886, финнов – 3694, русских – 753, немцев – 617 человек [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.108. л.18]. Основным местом их расселения были районы Крайнего Севера – Булунский, Усть-Янский. По состоянию на март 1943 г. они проживали: в Булунском районе (4463 чел.), Усть – Янском (1370), Жиганском (213), Ленском (1408), Олекминском (792), Орджоникидзевском (334 чел.). А остальные 500 чел. были оставлены в Кобяйском районе (200 чел.) и на работах в организациях разных районов: системе Наркомздрава, детприемниках, Промсоюзах и т.д. [Там же, л. 19].

3. Польские спецпереселенцы

Драматически сложилась судьба высланных поляков – так называемых «беженцев войны». Суровые климатические условия, тяжелый физический труд стали тяжелым испытанием для них – около 20% всех высылаемых по стране были специалистами с высшим и средним специальным образованием, работниками умственного труда. Выполнение спецпоселенцами производственных норм в среднем составляло от 20 до 60% (расчеты авторов), таким образом заработок в день колебался от 2 до 5 руб., что не обеспечивало их прожиточного минимума [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.73, л.54].

Первые эшелоны с поляками из г.Львова и г.Тарнополя [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.59, л.167] прибыли на станцию Тында в июле 1940 г. Их принимали представители Алданского окружного отделения НКВД (Народного комитета внутренних дел) ЯАССР (Якутской автономной советской социалистической республики). Один из них под № 4071, начальником которого был старший лейтенант Шпицан, прибыл 24 июля. В нем находилось 986 человек [Архив МВД РС (Я), ф.11, оп.1, д.32, л.17]. А 23 июля началась переправка поляков на Алдан, непосредственно на места спецпоселения. В составе первой отправляемой колонны насчитывалось 207 человек [Там же. л.22]. Они были размещены в основном в Алданском округе для работы на предприятиях лесной промышленности и золотых приисках.

Поляки трудились на золотодобыче и лесозаготовках. Однако их труд был организован плохо: не хватало орудий труда, спецодежды. Так, из числа трудоспособных зимой 1940 г. валенки были выданы только 1/3, ватные брюки и куртки – половине высланных поляков. Понятно, при таком неудовлетворительном снабжении теплой и спецодеждой, орудиями труда, не все трудоспособные спецпоселенцы могли быть оформлены на работах. Известно, что к концу 1940 г. не было оформлено по объектам работ треста Якутзолото в общей сложности 538 поляков [Сивцева, 2000, с.93].

Руководители же поселков Интернациональный и Нерянга по этой проблеме заявляли: «... В лесу они (спецпоселенцы) все равно работать не будут. Им лишь бы получить спецодежду и заборную книжку» (продуктовая книжка) [Там же]. Такое поведение руководители объясняли их недостаточной квалифицированностью в работе, так как в составе высланных преобладали люди умственного труда, интеллигенция, большинство из которых впервые в своей жизни держали в руках топор и пилу.

Аналогичное положение было с организацией работ и на других участках спецпоселков.

Совокупность этих негативных моментов в организации труда, а также физическая непригодность поляков для тяжелых работ привела к низкому заработку, ухудшению и без того тяжелых условий жизни их семей.

Жилищные условия высланных вполне можно охарактеризовать как экстремальные. Несмотря на то, что трест Якутзолото задолго до прибытия спецпоселенцев был поставлен в известность, существенных мер подготовки жилья для расселения, прибывающих он не принял. В результате половина переселенцев до начала зимних холодов и снега была размещена в летних домиках без печей и в брезентовых палатках. Только под нажимом Алданского окружного отдела НКВД и Окружного комитета ВКП(б) (Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)) в октябре месяце часть людей из палаток была переведена в наскоро выстроенные бараки поселков Угольный и Нерянга, а часть в количестве 150 человек осталась и далее проживать в п.Нерянга в летних домиках, в которых были поставлены железные печи из бочек [Сивцева, 2000, с. 93].

И в таких тяжелых условиях пребывания людей на поселении велась и статистика по реализации всеобуча детей спецпоселенцев. Отмечалось, что в Якутии и др. регионах страны в 1940 г. недостаточно уделяется внимание состоянию начального всеобуча, многие дети

не охвачены обучением, школы не оборудованы необходимым инструментарием, учащиеся неудовлетворительно снабжаются тетрадями, учебниками, крайне плохо была поставлена внешкольная работа среди учащихся [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.65, л.67]. Известно, что среди высланных в Якутию поляков было 398 детей школьного возраста. Они были расселены по поселкам: Якутстрой – в количестве 19 человек, п.Хвойный – 53, Угольный – 95, Неряжа – 158, Интернациональный – 73. Однако обучением из них было охвачено только 21,4 % или 85 детей, которые учились в школах п.Хвойный и Интернациональный (по состоянию на 1 ноября 1940 г.) [Там же, с.94]. В других поселках школьного обучения не проводилось вследствие отсутствия помещений. Детских садов и яслей организовано не было.

О настроении поляков сообщалось, что у «беженцев» Алданского района сначала сложилось мнение, что их привезли на вольное поселение и они могут работать только по своей специальности и там, где им понравится. Поэтому большая часть прибывших всячески избегала физических работ на лесозаготовках, а отдельные из них, проживая в лесу, для себя лично отказывались заготавливать дрова, обращаясь в хозяйственные органы за их приобретением. После разъяснения полякам положения об их содержании почти все стали работать. В ноябре, то есть по прошествии трех месяцев (в Якутии в ноябре наступают настоящие морозы за -40), их настроения свелись к тому, что их выслали по ошибке. Они стали питать надежды, что в скором времени их дела пересмотрят, о чем и писали ходатайства во все инстанции.

Понятно, что смертность среди высланных поляков была высока. Так, только за второй квартал 1941 г. по Аллах-Юньскому району из 1163 человек умерло 46, родилось 2 [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.91, л.134].

В июне 1944 г. СНК СССР было принято постановление о переселении граждан Польши [Бугай, 1995, с.196]. Некоторые моменты отправки их из Якутии были зафиксированы в документах контролирующих органов. Так, 11 июня пароходом с Бодайбинской пристани было отправлено 327 человек (226 семей), а 15 июля планировалась отправка второй партии в количестве 397 человек [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.178, л.218].

По архивным данным НКВД Якутской АССР, сохранившимся в Министерстве внутренних дел Республики Саха (Якутия) известно, что всего из Якутии выбыло на родину 4373 польских гражданина, в большинстве своем это были лица еврейской национальности [Архив МВД РС (Я), ф.11, оп.1, д. 961, л.1 – 286]. Данная цифра подтверждается и данными Государственного архива Российской Федерации: в 1940 г. численность граждан Польши в Якутии составила 4373, а к осени 1941 г. – 3462 человека [ГА РФ, ф. 9479, оп.1, д. 62, л. 121; д. 91, л. 133, 134].

Таким образом, проблема численности, состава высланных в Якутию граждан Польши нуждается в специальном исследовании. Опираясь на вышеуказанные материалы НКВД в части условий труда и жизни, можно предположить, что потери среди высланных поляков были, и были весьма значительными.

4. Условия жизнедеятельности спецпереселенцев

С началом Великой Отечественной войны были ужесточены порядок и режим содержания спецпоселенцев : усиливалась охрана спецпоселков, исключая возможность побегов, при этом проверять население спецпоселков рекомендовалось не реже чем дважды в сутки; запрещались отлучки из спецпоселков и мест работы, переписка с родственниками; усиливалась агентурно-осведомительная работа по предупреждению побегов; предлагалось немедленно арестовывать подстрекателей к организации выступлений, а также ведущих антисоветскую агитацию, распространяющих провокационные слухи, злостных прогульщиков и дезорганизаторов производства [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.71, л.118]. Ужесточение режима повлекло за собой недовольство среди спецпоселенцев «бывших кулаков»

(СОЭ), восстановленных ранее (до 1941 г.) в правах и получивших паспорта. Так, в отчетности органов НКВД ЯАССР выявлялись «нездоровые» настроения по уклонению от режима. Спецпоселенцы утверждали: «Мы имеем паспорта и являемся такими же гражданами, как и все, а поэтому можем проживать не обязательно в поселке» [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.82, л.38].

«Бывшие кулаки» (СОЭ) в годы войны вынуждены были осваивать новые места золотодобычи – возникли новые участки В-Незаметный, Сосновый ключ, Латышский и др. Людям приходилось ежедневно преодолевать по несколько километров до новых мест приисков, переезжать и вновь устраивать свою жизнь на новых местах добычи. Переезд требовал дополнительных усилий людей, времени, средств, что в итоге негативно отражалось на заработке, производительности труда. Уровень средней заработной платы рабочего в первой половине 1942 года упал на 67 руб. 70 коп. в сравнении с прошлым годом и составил 350 руб. Известно, что в первом полугодии 1942 г. в Алданском округе проживало 3479 человек, естественная убыль составила 23 человека: умерло 53, родилось 30 [ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.80, л.152, 153].

На Крайнем Севере, в Якутии тяжелый труд переселенцам был не под силу, тем более что значительная часть спецпоселенцев считалась нетрудоспособной. Например, на рыбозаводах Булунского района было занято только 40 % от всего контингента. Остальные не работали по разным причинам: старости, болезни, отсутствия теплой одежды, а также в силу малолетнего возраста. Из 120 трудоспособных спецпоселенцев Жиганского района непосредственно на рыбных промыслах во время осеннего хода рыбы работало всего 12 чел., в первом квартале 1943 г. – 3 чел. Остальные были заняты на разных подсобных и хозяйственных работах [Сивцева, 2000, с.97].

В местных условиях нормы выработки спецпоселенцев были чрезвычайно низки. Это видно на примере крупного Быковского рыбозавода, расположенного на берегу Северного Ледовитого океана в 60 км к востоку от бухты Тикси. Из завезенных 1800 спецпоселенцев ни один рыболов в 1942 г. не смог выполнить производственной нормы по добыче рыбы. В этой ситуации тяжелым бременем для завода являлось наличие значительного количества – 702 чел. нетрудоспособных и ограниченно-трудоспособных. В том числе насчитывалось 76 чел. престарелых, а физически негодных к работе – 176 и малолетних детей – 450 человек (450 малолетних детей — это четверть от всего числа сосланных на Быковский рыбозавод!).

Не лучше обстояло положение спецпоселенцев на предприятиях лесной промышленности в Олекминском и Ленском районах. Производительность труда была выше, чем на рыбодобыче, но значительно ниже, чем в системе других Наркоматов. Причинами низкой производительности труда здесь также явились недоедание, голод и необеспеченность спецодеждой – серьезные обморожения часто приводили к ампутациям конечностей [Там же, с. 100].

Основная часть спецпоселенцев была «устроена» в районах Крайнего Севера, в местах, отдаленных от какого-либо жилья, где не было ни поселков, ни строительных материалов. Люди высаживались на местах организации рыбозаводов и помещались в палатках. В результате незначительного поступления леса (лес на севере не растет, потому сплавлялся из южных районов Якутии) люди вынуждены были строить юрты (каркасное жилище с глиняным, земляным покрытием) на мерзлой земле и только частью – из леса.

В экстремально тяжелых условиях люди жили не только в 1942, 1943, но и в последующие годы. Так, по состоянию на 1 января 1945 г. в Усть-Янском районе из проживающих 530 семей спецпоселенцев пользовались типовыми домами только 50 семей, а остальные были расселены в юртах, обложенных пластами дерна с землей. Эти жилища ввиду их

антисанитарного состояния для жилья были почти не пригодны, в них царили сырость, холод, грязь и не было освещения. В этих юртах летом вместо стекол употребляли плотно, зимой – лед. Вместо керосиновых ламп – коптилки. Аналогичным было положение и в Булунском, Олекминском районах.

Крайняя скученность спецпоселенцев, антисанитарное состояние жилищ, плохое питание, холод из-за отсутствия дров систематически порождали массовые заболевания, часто приводящие к летальным исходам. За время с июля по декабрь 1942 г. только по Трофимовскому и Быковскому рыбозаводам Булунского района было отмечено 213 случаев заболевания сыпным тифом, а за январь и февраль 1943 г. – 44 случая. По одному главному участку Быковского рыбозавода, где проживало около тысячи спецпоселенцев, за январь и февраль 1943 г. было зарегистрировано фельдшерской амбулаторией 200 случаев заболеваний разными болезнями, из них – 77 случаев цинги, 40 – туберкулеза, 18 – гриппа, 16 – тифа, 11 – поноса, 8 случаев обморожений и т.д. Положение усугублялось тем, что из-за отсутствия зелени и овощей на севере широкое распространение (во всех районах) получило заболевание цингой – болело около 30 – 40% высланных [Там же, с. 101].

Население спецпоселков было лишено газет, радио, сообщений Совинформбюро. В настроениях спецпоселенцев сквозила только надежда, что скоро кончится война и они возвратятся на родину.

Естественная убыль населения спецпоселков была чрезвычайно высокой. За 1941-1945 гг. потери среди литовцев составили в 1,6 раза (39,2%), поляков – в 1,3 раза (20,8%), и финнов – в 1,2 раза (17,9%) [Сивцева, с.65].

После войны положение спецпоселенцев Якутии немногим изменилось в лучшую сторону (если можно так выразиться) – в 1949-1950 г. на рудниках «Флогопитовый», «Колтыкон», «Надежный» треста «Алданслюда» люди проживали уже в палатках, хоть и скученно (в палатках вместимостью 25 чел. проживало по 30-40 чел.), жаловались на отсутствие топчанов (лежаков), столов, скамеек, частично сооруженных из досок полов. Спецпоселенцы жаловались на плохо организованную подвозку дров, воды. Недовольство вызывало качество воды, недостаток печей и плит для приготовления пищи. Так, работа столовой рудника «Флогопитовый» не выдерживала никакой критики – для приготовления блюд использовались недоброкачественные продукты питания, неудовлетворительным было и ее санитарное состояние. Люди выходили на работу с утра голодными, подкрепившись лишь хлебом. Отмечалось отсутствие прачечных, пошивочных и сапожных мастерских [ГАРФ, ф. 9479, оп.1, д.548, л.239-241].

Заключение

Депортация не является порождением социалистического общества. Мировая история знает немало примеров применения депортационных мер по отношению к народам или группам населения конкретных национальностей... Депортации в СССР в годы войны свидетельствуют об усилении тоталитарного режима, они позволяли «гасить» конфликты между властью и народами, между народами в целом, управлять криминогенной обстановкой в различных регионах. Подвергшиеся депортации несчастные люди не были виноваты в развязывании войны гитлеровской Германией и в том, что территории их проживания оказались на границе Советского Союза и его геополитических интересов.

Социальный статус насильственно перемещенных лиц в СССР был чрезвычайно низок – они не имели паспортов, права свободного перемещения, права голоса. Положение спецпоселенцев в Якутии, особенно в годы войны, было исключительно тяжелым. Жилищно-бытовые условия, условия труда и заработок не могли удовлетворить даже минимальных потребностей людей. Находясь далеко от родины, они вынуждены были изнурительным трудом в суровых климатических условиях зарабатывать себе на хлеб. Поляки, высланные во время войны, также не могли не испытать всех тягот и невзгод.

Однако, все же, в особо тяжелых условиях находились высланные по постановлению о развитии рыбных промыслов. В условиях Крайнего Севера, при экстремально низких температурах, практически ничего не имея для обустройства, им пришлось выживать на голых берегах реки Лена, заниматься рыболовством. И что особенно тяжело сегодня осознавать – среди них было много несовершеннолетних детей. Смерть буквально косила население спецпоселков Якутии.

Современникам необходимо помнить о трагических страницах нашей истории чтобы не повторять ошибок прошлого, ценить достижения нашей страны в XXI веке.

Источники и принятые сокращения

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.9479, Оп.1, Д.59, Л.167; Д. 62, Л.121; Д.65, Л.67; Д.71, Л.118; Д.73, Лл.54, 69-72; Д.80, Лл.152, 153; Д.82, Л.38; Д.91, Лл.133, 134; Д.108, Лл.18, 19; Д.109, Л.140; Д.118, Л.143; Д.141, Лл.45, 52, 75, 226; Д.155, Л.9; Д.178, Л.218; Д.187, Л.5; Д.298, Л.166; Д.527, Л.3; Д.548, Лл.239-241.

Архив Министерства внутренних дел Республики Саха (Якутия) (далее – Архив МВД РС (Я)). Ф.11. Оп.1. Д.32. Лл.17, 19, 22; Д.961. Лл.1 – 286.

Архив МВД РС (Я). Картотека спецпереселенцев

Архив Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Саха (Якутия) (далее – Архив УФСБ РФ по РС (Я)). Ф.2. Оп.1. Д.5. Лл. 9, 68, 100.

Литература

1. Башкуев В.Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948-1960). Улан-Удэ, 2009. 298 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23883565>. Дата обращения 20.11.2021 г.

2. Бердинских, В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России/В.А. Бердинских. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – 768 с;

3. Бугай Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: “Согласно Вашему указанию...”. — Москва : Издательство АИРО-XX, 1995. — 319 с.

4. Горохов С.Н. Спецпереселенцы на севере Якутии в годы Великой Отечественной войны. Учебное пособие / С.Н. Горохов; М-во общего и профессионального образования Рос. Федерации. Якут. гос. ун-т им. М. К. Аммосова. – Якутск : Изд-во Якутского госуниверситета, 1998. – 96 с.

5. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) (30-50-е годы) // Социологические исследования. 1990. (11): 3–17.

6. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960 / В.Н. Земсков; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2005. – 306 с.

7. Карху Э. Ингерманландцы и ингерманцы / Э. Карху // Север. 1990. № 8. С.55.

8. Лиги Х. Это было в марте 1949 г. / Х. Лиги // Советская Эстония. 1989. 25 января.

9. Лобченко Л.Н. Из истории спецпоселков в Северном крае. Вестник архивиста. № 4-5, 2006. С.137-156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12856344>. Дата обращения 20.11.2021 г.

10. Сандлер С. Прибалтийский путь / С. Сандлер // Радуга. 1990. № 7. С.36.

11. Сивцева С. И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941-1945 гг.) / С.И. Сивцева. – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН. – 2000. – 148 с.

12. Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии: численность, состав, размещение // Факторы устойчивого развития регионов России : монография / С.И. Сивцева; под общ. ред. С.С.Чернова. – Новосибирск : ЦРНС, 2009. – Кн. 6. – С.238-263.

13. Хамфри С. Deportees in Society Ssyl'ka and Spetsposelenie in Soviet Buryatiya. INNER ASIA 21 (1), pp.38-60. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000469412300003>. Дата обращения 22.11.2021 г.

14. Флинк Т. Мы еще живы / Т. Флинк // Север. 1990. № 2. С.129.

15. Чернолуцкая, Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг / Е. Н. Чернолуцкая // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – Владивосток : Федеральное государственное унитарное предприятие «Издательство Дальнаука», 2011. – 511 с.

16. Shcheglova T.K. «There used to be different nations here»: deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH-SIBIRSKIE ISTORICHESKIE ISSLEDOVANIYA (2), pp.53-72. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000668688000003>. Дата обращения 22.11.2021 г.

References

1. Bashkuev V.YU. Litovskie specposelency v Buryat-Mongolii (1948-1960). Ulan-Ude, 2009. 298 s. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23883565>. Дата obrashcheniya 20.11.2021 g.
2. Berdinskih, V.A. Specposelency: politicheskaya ssylka narodov Sovetskoy Rossii/V.A. Berdinskih. – Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – 768 s;
3. Bugaj N.F. L.Beriya – I.Stalinu: “Soglasno Vashemu ukazaniyu...”. — Moskva : Izdatel'stvo AIRO-HKH, 1995. — 319 s.
4. Gorohov S.N. Specpereselency na severe YAkutii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Uchebnoe posobie / S.N. Gorohov; M-vo obshchego i professional'nogo obrazovaniya Ros. Federacii. YAkut. gos. un-t im. M. K. Ammosova. – YAkutsk : Izd-vo YAkutskogo gosuniversiteta, 1998. – 96 s.
5. Zemskov V.N. Specposelency (po dokumentam NKVD-MVD SSSR) (30-50-e gody) // Sociologicheskie issledovaniya. 1990. (11): 3–17.
6. Zemskov V.N. Specposelency v SSSR, 1930-1960 / V.N. Zemskov; In-t ros. istorii. – M.: Nauka, 2005. – 306 s.
7. Karhu E. Ingermanlandcy i ingermancy / E. Karhu // Sever. 1990. № 8. S.55.
8. Ligi H. Eto bylo v marte 1949 g. / H. Ligi // Sovetskaya Estoniya. 1989. 25 yanvara.
9. Lobchenko L.N. Iz istorii specposelkov v Severnom krae. Vestnik arhivista. № 4-5, 2006. S.137-156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12856344>. Дата obrashcheniya 20.11.2021 g.
10. Sandler S. Pribaltiyskij put' / S. Sandler // Raduga. 1990. № 7. S.36.
11. Sivceva S. I. YAkutiya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: social'no-demograficheskij aspekt (1941-1945 gg.) / S.I. Sivceva. – YAkutsk : Izd-vo YANC SO RAN. – 2000. – 148 s.
12. Sivceva S.I. Specposelency v YAkutii: chislennost', sostav, razmeshchenie // Faktory ustojchivogo razvitiya regionov Rossii : monografiya / S.I. Sivceva; pod obshch. red. S.S.Chernova. – Novosibirsk : CRNS, 2009. – Kn. 6. – S.238-263.
13. Hamfri S. Deportees in Society Ssyl'ka and Spetsposelenie in Soviet Buryatiya. INNER ASIA 21 (1), pp.38-60. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000469412300003>. Дата obrashcheniya 22.11.2021 g.
14. Flink T. My eshche zhivy / T. Flink // Sever. 1990. № 2. S.129.
15. Chernoluckaya, E. N. Prinuditel'nye migracii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920-1950-e gg / E. N. Chernoluckaya // Institut istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. – Vladivostok : Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie «Izdatel'stvo Dal'nauka», 2011. – 511 s.
16. Shcheglova T.K. “There used to be different nations here”: deportations of the years 1939-1949 in the memory of Siberian rural population. SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH-SIBIRSKIE ISTORICHESKIE ISSLEDOVANIYA (2), pp.53-72. <https://www.webofscience.com/wos/woscc/full-record/WOS:000668688000003>. Дата obrashcheniya 22.11.2021 g.

